

О путях возрождения деревни.

Уже более двух лет тому назад, выступая перед итальянской демократией с органом, предназначенным знакомить ее с идеологией, нуждами и стремлениями русской трудовой демократии, мы между прочим писали: «Если наша погубленная родина не в силах возродиться без помощи Европы, то в тоже время Россия с ее сырьем и гигантским рынком необходима самой Европе, как воздух... Пока шестидесятиmillionный народ будет корчиться в жестоких страданиях, его ужасающая судорога не перестанет потрясать весь земной шар и эти могучая встряски не замедлят разрушить и уничтожить все санитарные кордоны, сколько-бы усердия и хитроумия дипломаты не затратили бы на их сооружение... *Не будет мира в мире пока не будет мира и покоя в России*»^{*}).

Это значит, что проблема возрождения деревни есть проблема интернациональная, мировая... И является она такою не только по своему прямому или косвенному значению, не только по тому рефлекторному воздействию, которое то или иное ее решение может оказать на судьбы других народов, но и по своему объему и содержанию, но и по роду тех средств, которые необходимы для ее разрешения, и по характеру тех препон, которые для этого разрешения нужно преодолеть. Проблема возрождения деревни — это гигантский, невероятно сложный комплекс вопросов теоретических и практических, научных и технических, культурных и бытовых, местных и общих, национальных и международных. Нет той научной дисциплины, нет той технической специальности, нет того культурного народа, без прямого или косвенного, отдаленного или близкого сотрудничества, которых можно было бы обойтись в этом случае. Но к т о т о, чья то единая воля должна всю эту феноменально разнородную работу координировать, направляя ее с разных сторон и в общее русло, в единое течение, ведущее к строго и точно определенной цели. И к т о т о должен эту цель властно поставить, как обязательную и непререкаемую. Очевидно, этим «кто-то» должен быть тот, кому эта цель наиболее близка и дорога, кто в ней кровно и жизненно заинтересован,—кто наилучшим образом знает, чего ему не хватает, и что ему нужно для того, чтобы она могла быть наиболее полным образом достигнута, — кто в наибольшей мере способен ощутить и уловить малейшее уклонение в сторону, малейшее отступление от нея и кто поэтому способен чутко и ревностно наблюдать за тем, чтобы таких уклонений и отступлений не допускалось. Признать правильность только что высказанного положения, значит, сказать: *дело возрождения деревни должно быть делом самой деревни; деревня должна взять свою судьбу в свои собственные руки.* Ее голос должен с подобающим авторитетом раздаваться не только на местах, но и в центре и в конклавах народов, решения которых ближайшим образом касаются ее судеб. Никто больше ее не заинтересован в ее собственном благополучии, никто лучше ее не знает, что ей нужно и чего ей не хватает. Только ее воля, ее знания, ее чуткий контроль способны обеспечить всю необходимую ей полноту возрождения, без ограничений и уклонений. Такой гарантии никто другой не дает и дать не может. Всякий

^{*}) Gregorio Schreider: „Ai lettori“ в „La Russia del Lavoro“ (Trudovaja Rossia) Settimanale Socialista italo-russo, Roma, 15 gennaio 1920, N 1.

другой. — кто бы не взял на себя разрешение этой проблемы, — если даже исключить возможность иезуитской *restritio mentalis*, если даже предположить максимальную степень его добросовестности, — всякий другой, всетаки фактически неизбежно поставит себе целью возрождение «по столько, по сколько» — по сколько оно в смысле объема, направлений, характера определяется его интересами, его стремлениями, его идеологией. Правда, и осуществить свои намерения ему удастся тоже по столько, по сколько... их воспримет и с ними согласится деревня. Это значит, что ее возрождение не только должно быть делом самой деревни, но и неизбежно будет им, потому что нельзя возродить деревню без ее участия, а тем более вопреки ее воли и желания. Нуждается ли еще это наше утверждение в доказательстве после стольких банкротств, к которым всегда неизбежно приводили столько раз испытанные, отвергавшие самостоятельность деревни и игнорировавшие ее волю централистки-бюрократические пути. Продолжать идти ими можно только или в слепом безумии, или в сознательном стремлении не к возрождению, а к окончательному и безповоротному развалу деревни. Неизбежное банкротство ожидает и тех, которые, пользуясь возможностью, открываемой интернациональным характером проблемы, попытаются пойти по пути колонизаторскому. В чистом-ли южно-африканском виде, в смягченной ли комбинации с национальной диктаторско-бюрократической системой колонизаторство роковым образом осуждено столкнуться, если не с активными—(и таковое возможно!)—то с пассивным противодействием деревни, — с тем противодействием, которое наша история знает, как силу во истину ни для кого не преоборимую. Если не сегодня, то завтра, если не завтра, то послезавтра, но в конечном итоге после ненужных излишних мук и страданий, крови и слез, все таки придется свернуть на пути самостоятельности деревни, потому что другого выхода не останется, потому что других более верных и действительных путей не существует...

Но сказать: «спасение—в путях самостоятельности деревни» еще не значит разрешить вопрос о путях ее возрождения, ибо и пути самостоятельности бывают разные: прямые и окольные, широкие и узкие, гладкие и ухабистые, стелющиеся по цветущим равнинам и пролегающие по оврагам и обрывам, выводящие в поднебесную высь на широкий мировой простор и заводящие в темные сырые ущелья и в невылазную топь... И тут нужно осторожно и внимательно разобраться, памятуя, что и тут даже небольшие на взгляд ничего не значащие ошибки могут стоить очень дорого народу.

* * *

В № 12 «Воли России» напечатана статья Ег. Юшманова: «Кооперативное движение в русской деревне», прямо и непосредственно касающаяся вопроса о путях возрождения деревни. Даже в том случае, если бы статья эта выражала собою только личные взгляды автора, она заслуживала бы серьезного внимания, так как напечатана, к нашему удивлению, без какой бы то ни было редакционной оговорки в таком ответственном органе, как «Воля России». Но статья эта отражает собою определенное течение в кооперативной среде, во первых; а во 2-х, вторая глава этой статьи трактует о «кооперативной идеологии деревни», а

О путях возрождения деревни.

идеология деревни», и есть, ведь, то, что в конечном итоге решит ее судьбы, как в том случае, когда она возьмет их в свои собственные руки, так и в том случае, когда их попытаются решить извне и сверху при помощи распоряжений и декретов, при помощи штыков и когтистых лап колонизатора. И поэтому то, что напечатано Ег. Юшмановым в № 12 «Воли России», заслуживает нашего особого, даже исключительного внимания.

«Русский крестьянин, — пишет он, — давно убедился, что ему от государства ждать нечего. Мужик уже ясно осознал, что он для государства тоже, что олень для самоеда. О том и другом заботиться хозяину не надо, ибо у них корм под копытом... Поэтому у сознательного мужика, а их теперь много развелось, ясное представление о будущем. Его правило, «если сам себе не поможешь, то никто тебе не поможет». А сам себе поможешь, конечно, только при посредстве кооператива. Какие же выводы вытекают отсюда в отношении путей возрождения деревни?

«Пути возрождения деревни, — говорит Ег. Юшманов, — наметились ясно и определено задолго до прихода большевиков, еще при царском режиме. Ни земство, ни община, ни тем более хуторское хозяйство не выведут на широкий путь прогресса и доходности крестьянского хозяйства. По прежнему там будет царство рутин и казенщины, будут преобладать интересы классов и даже отдельных лиц, там неизбежны фискальные задачи и правительственная указка. Только инициатива и самодеятельность самого крестьянского населения, организованного и объединенного в сельско-хозяйственной и промысловой кооперации, выведут страну и нашу деревню на широкий простор культуры, прогресса и экономического благосостояния.

«Крестьяне не нуждаются в государственном поощрении и указке и даже больше — не нуждаются в государственном содействии, только бы их совершенно оставили в покое. Деревня собственными силами может добиться для себя больших результатов во всех сторонах экономической духовной и культурной жизни с меньшими затратами средств и сил, чем государство». Автор оговаривается, что он имеет в виду местные нужды и выносит «пока за скобки нужды государственного масштаба», при чем тут же перечисляет эти местные нужды, заявляя, что он ведет речь: «о школьном и внешкольном образовании, о постановке медицины и гигиены, о дорогах, электрофикации, телефонной связи, агрикультуре, механизации сельского хозяйства и промыслов, закупке и распределении, начиная от предметов потребления и кончая машинами, о сбыте излишков продуктов и изделий местной выработки, об организации необходимых фабрик и заводов для местных нужд на местном сырье, пароходстве и подземных железнодорожных путях, защите и охране прав кооперированного района».

Таким образом, если верить автору, деревня, по крайней мере, ее сознательная часть решительно отвернулась от государства — не данаго, а государства, вообще, — она не хочет с ним более иметь никакого дела и путь своего спасения видит только в кооперативном движении. Деревня как бы говорит: «никакого государства нам не нужно, мы можем обойтись совершенно без него; можете делать с ним все, что вы хотите,

Гр. Шрейдер.

можете распоряжаться в нем, как вам будет угодно, — нам это совершенно безразлично, если вы только оставите нас в покое в наших кооперативах»... Если такая «идеология» в самом деле существует, свидетельствуя о равнодушии деревни к судьбам государства и об отказе ее от всякой борьбы за его лучшее устройство, то эта «идеология» представляет собою явление тем более трагическое, что она потрясающе наивна и бесплодна, — ибо реально, фактически от государства никак не уйдешь, без него никак не обойдешься и ни в какую келью под кооперативной елью от него никакими способами не спрячешься, а кто хочет улучшить свое положение в государстве, тот может достигнуть этого только одним путем — путем неустанной борьбы за усовершенствование государства. Но существует ли на самом деле такая «идеология»? Другие сведения, идущие из России, несколько расходятся с утверждением нашего автора, свидетельствуя как-раз об обратном, именно, об ожившейся тяге деревни к политике. Тем не менее мы не имеем оснований не верить автору, во первых, потому что в деревне могут существовать рядом и одновременно совершенно противоположные идеологии, — во вторых, потому что не существование только, но и преобладание «кооперативной идеологии», отмечаемой Ег. Юшмановым, представляется психологически не только возможным и вероятным, но при известных условиях и неизбежным. Психология пуганной вороны, которая куста боится, равно как психология человека, который дуется на воду, потому что обжегся на молоке, может в определенной исторической обстановке стать коллективной психологией целых общественных групп и даже классов. Деревня, которая в течение ряда поколений при всех сменах режима не получала от государства ничего, кроме бичей и скорпионов, легко могла извериться в самое государство, как таковое, легко могла проникнуться враждою и отвращением к нему и начать наивно искать спасения в путях не государственных. Но есть и третье и самое серьезное основание, в силу которого мы принимаем утверждение Ег. Юшмана, как соответствующее действительности: в условиях, в которых находится ныне деревня, в обстановке, в которой она живет, занимающая нас «идеология» *должна была* народиться, как плод своеобразной комбинации только что указанной психологии пуганной вороны с сознательным, хотя бы и весьма ошибочным, тактическим расчетом, — ибо такое в однородных условиях уже бывало: для истории отношений между обществом и государством такого рода идеологии далеко не новинка, — они появлялись в определенных моменты этих отношений... Какого рода это моменты — об этом нам уже приходилось говорить в другом месте и по другому поводу и теперь мы можем ограничиться только сжатым, а частью и дословным повторением тогда сказанного^{*)}.

* * *

При известной комбинации исторических условий возможен случай, когда государственный строй какой либо страны, который нормально должен быть органическим продуктом ее социальных отношений, будет

^{*)} Гр Шрейдер: Пора-ли? (К вопросу о демократической реформе местного управления). „Русское Богатство“. Июль, 1908.

О путях возрождения деревни.

создан искусственно и ей насильственно навязан. Само собою разумеется, что в таком случае между обществом и государством невозможны иные отношения, кроме отношений воюющих сторон, так как общество не может жить в политических условиях, не соответствующих его складу, и ему не остается другого выбора, как или умереть, т. е. сойти с исторической сцены в качестве государственной организации, или добиться переустройства государства и приведения его в соответствие со своими нуждами и потребностями. Но и там, где государственный строй является продуктом нормального органического процесса, также неизбежна борьба между обществом и государством, ибо, как мы сейчас увидим, таков *закон их отношений*. Наивно думать, что наличность такого закона обуславливается, будто бы, присущим им взаимным антагонизмом, источник которого кроется, будто бы, в существенном различии между интересами *общественными* и *интересами государственными*. Такого различия между теми и другими интересами на самом деле не существует. «Вполне тождественные по своему существу, они бывают различными только, так сказать, хронологически, по условиям момента, в меру отсталости государственного строя, в меру его несоответствия социальной действительности и ее запросам. И мы являемся свидетелями того, как в ходе истории, с прогрессирующим усовершенствованием политических учреждений, получающих все возрастающую способность наиболее быстрого приспособления к эволюционирующим социальным потребностям, общественные интересы все чаще и все больше сливаются с государственными и наоборот, так что те функции, которые еще недавно считались исключительно государственными, с успехом начинают выполняться учреждениями общественными, а государство с немалым успехом принимает на себя решение задач, раньше трактованных, как исключительно общественные»*)... Значит источник указанного закона нужно искать в другом месте и его нетрудно найти, как то вытекает уже из только что приведенных строк, в самой природе отношений между обществом и государством, в характере существующей между ними органической связи и в жизненной для общества необходимости, чтобы эта связь была полной и неразрывной. Нормальный государственный строй не может быть иным, как только продуктом уже *сложившихся* социальных отношений; но эти отношения в живом общественном организме не могут пребывать в состоянии неподвижности и застоя: они всегда и непрерывно эволюционируют, изменяясь в своем объеме и содержании. Таким образом социальная действительность всегда опережает государственный строй, перерастает его, а он всегда по отношению к этой действительности является в какой нибудь части более или менее отсталым и устарелым. Только что мирным или революционным путем приведенный в полнейшее, казалось бы, соответствие с социальными отношениями, потребностями и запросами страны, государственный строй ее уже в следующий момент теряет это соответствие, и государство в каком то пункте, хотя бы крошечном и незначительном, более не удовлетворяет уже общества. Вновь возникшее таким образом несоответствие между обществом и государством, нарушая необходимую полноту и целостность их связи, образуя в ней трещину, может быть

*) Ibid., стр. 6 (отд. II).

на первых порах легко устранимо соответствующей небольшой, но своевременной поправкой в государственном механизме. Если же поправки запаздывают, как это почти всегда бывает, то благодаря безостановочно продолжающейся эволюции социальных отношений, трещина расширяется и несоответствие, разрастаясь до размеров неразрешимого антагонизма, делает неизбежным разрыв и катастрофу...

Ясно, что почти непрерывная борьба между обществом и государством за приспособление последнего к безпрерывно развивающимся и изменяющимся потребностям первого *необходима и неизбежна*. И мы действительно наблюдаем ее повсюду при всяких режимах—от самых первобытных до самых современных, от самых отсталых до самых прогрессивных, от самых деспотических до самых демократических. Различны только условия, приемы, методы борьбы, — более острый и более кровавый в одних случаях, более мягкой и мирной, требующей от общества меньших усилий и жертв — в других, какое различие обуславливается главным образом природой каждого данного политического строя, степенью его эластичности и способности его приспособления к новым социальным требованиям. Борьба общества с государством во имя интересов первого в такой мере необходима, что если бы оказалась страна, в которой мы не могли бы обнаружить такой борьбы, хотя бы самой слабой, хотя бы едва заметной глазу, то мы должны были бы заключить одно из двух: или что страна достигла политического идеала, т. е., такой совершеннейшей структуры государства, что всякое изменение и усовершенствование его строя совершается само собою, автоматически и в то же самое мгновение, как только появляется в том потребности, или же, вероятнее всего, что страна стоит на мертвой точке, переживая период застоя, предшествующий или новому движению вперед или смерти и разложению... Обычно эта повсюду необходимая и неизбежная борьба общества с государством «проходит ряд последовательных стадий развития, начиная с подготовительной и кончая последней решительной схваткой между обществом и государством. Произойдет ли эта схватка на баррикадах или у избирательных урн, — это зависит от многих условий, главным же образом от той степени демократизации, на какой находится само государство. В тот начальный подготовительный период, когда преобразование государственного строя представляется еще вопросом отдаленного будущего, когда наличные условия не дают возможности включить его в порядок дня, ни подойти к нему непосредственно, — словом, когда дело идет даже не о мобилизации, а только еще о накоплении и подготовке сил, об организации кадров,— в этот период вполне понятно, и неизбежно *стремление общества, по возможности, изолироваться от государства, по возможности уединиться от него в особую систему местных учреждений*,—понятно, естественно и неизбежно его стремление как можно больше овладеть местным управлением, добываясь разными путями и под разными предлогами такой его организации, которая возможно более благоприятствовала бы или, во всяком случае, возможно менее мешала бы свободному развитию общественных сил»^{*)}). Понятно, с появлением такого полу-инстинктивного и полу-сознательного стремления общества находит-

^{*)} Ibid., стр 6.

О путях возрождения деревни.

ся для его оправдания и обоснования также соответствующая теория; так называемая, *общественная теория самоуправления*, которая трактует органы самоуправления, как особые «общественные» учреждения, существующие рядом с правительственными установлениями и ведущие свои особые от государственных местные общественные дела, каковыми предполагаются местные «хозяйственные» пользы и нужды. Из этой «особости» подлежащих ведению самоуправления дел и выводилось право самоуправления на самую широкую самостоятельность и независимость и на полное невмешательство государственных органов в существо его действий.

* * *

Мы вправе повторить: такое уже бывало; занимающая нас «идеология» современной деревни для нас не новость и не неожиданность. Различие между нынешним и деревням прошлым только в том, что прежде пытались забронироваться от государства в самостоятельном и независимом земстве, а теперь деревня надеется забронироваться от него в свободном и независимом кооперативе. Соответственно, на место общественной теории самоуправления стала столь же утопическая теория единospасающего кооперативного пути, контуры которой довольно ясно намечаются в вышеприведенных цитатах из статьи Ег. Юшманова. Долой земство и община! Долой Государство! Да здравствует свободный, самостоятельный и независимый крестьянский кооператив, который сам все может и все сделает! Теория, может быть очень хорошая, но с одним существенным недостатком: для ее осуществления и воплощения в жизнь (как и для покойной общественной теории самоуправления) нужны две возможности: во первых, *политическая* и во вторых, *материальная* или *хозяйственная*.

Остановимся на первой. В переводе на простой и грубый язык она значит: кооперативы будут свободны и независимы тогда, когда захочет государство, когда же оно того не захочет, то никакие прекрасные теории делу не помогут. Для логически мыслящего человека поэтому вопрос о самостоятельности и независимости кооперативного движения сводится к вопросу: как сделать так, чтобы государство тому не противилось и даже тому содействовало бы? И опять таки, логически рассуждая, ответ может быть только один: нужно сделать так, чтобы надлежащим авторитетом и влиянием в государстве пользовались те, кто наиболее заинтересован в свободе и независимости кооперативного движения. Но логически рассуждать не так просто и легко. Насколько этому трудно научиться, тому наглядное доказательство в необходимости ныне, восемнадцать лет спустя, при посредстве тех же аргументов снова устанавливать те же ясные и простые истины, которые российским людям следовало бы уразуметь уже полвека тому назад. Казалось бы, что могло быть вразумительнее и убедительнее бесплодности сорокалетней борьбы за созидание жизнедеятельного, независимого и самостоятельного земства в условиях самодержавного режима, и тем не менее нам пришлось в свое время писать следующее по адресу большинства сельско-хозяйственных комитетов: «Большинству не приходит даже в голову, что земство не кирпич, который только механически соединен с зданием и который поэтому легко вынуть, знаменив другим, — а часть

органического целого. Им чаще всего совершенно чужда мысль о том, что современное положение земства, организация его, место, занимаемое им в системе государственных установлений, — все это исторически необходимое и отвергать закономерность его было бы наивно. Земство таково, потому что иным оно на данной почве и в данных условиях существования быть не может. То, что давным давно уже составляет азбуку для государствоведов, еще совсем почти не проникло в общественное сознание и тут главная причина утопичности некоторых пожеланий, повидимому совершенно не считающихся с наличной невозможностью своего практического осуществления»^{*)}). И ныне приходится почти дословно все это повторить по адресу кооперативных утопистов, доказывать им, что нынешнее положение кооперативов «таково, потому что иным оно на данной почве и в данных условиях существования быть не может» и для того, чтобы оно стало иным, необходимо переменить почву и создать другие условия. И ныне приходится добиваться, чтобы теоретики единоспасящего кооперативного движения уяснили себе то, что уразумели, наконец, земские люди, именно, что «кто хочет сделаться хозяином в администрации, должен прежде сделаться хозяином в государстве, овладев государственной властью»...

Только что сказанное нельзя понимать в том смысле, что мы совершенно отрицаем возможность каких либо улучшений в судьбах крестьянской кооперации впредь до перемены почвы и изменения политических условий ее существования. Но в тех ограничениях, с которыми мы эту возможность допускаем, также существует полная аналогия с местным самоуправлением, так что мы можем снова только повторить давно сказанное, предоставив читателю мысленно заменить повсюду в нижеприводимой цитате демократическое местное управление самостоятельными и независимыми крестьянскими кооперативами, — что, впрочем, и на самом деле предполагается занимающей нас теорией. Извиняемся за длинную цитату, но она необходима, чтобы не терять времени на новую формулировку очень старых мыслей и положений: «... что касается демократических реформ местного управления, то ими почти всегда и везде только завершались и закреплялись те завоевания, которые демократия уже сделала предварительно в области государственного управления. «Почти», потому что история местных реформ знает также исключения; но их немного и они только, по обыкновению, подтверждают правило. Известны случаи, когда демократическая реформа местного управления заходила много дальше того, что могло бы быть допущено по существу условиями наличного политического режима, оказываясь даже в коренном принципиальном противуречии с этим последним. Так бывало по разным причинам. Чаще всего тому причиной бывал страх перед грозным призраком надвигающейся революции. Сознвая себя в крайней опасности и пытаясь ради спасения режима дать какойнибудь выход накопившемуся недовольству, правительство спешило с местной реформой, второпях заходя в своих уступках народу гораздо дальше того, чем бы оно того желало. Бывало и так, что подобного рода или иные обстоятельства исторического момента просто только мешали

^{*)} Сборник „Нужды Деревни“. Гр. Шрейдеръ: Земское Самоуправление стр. 23.

О путях возрождения деревни.

правительству усмотреть и уразуметь наличность противуречия между предпринимаемой им реформой и политическим режимом или же разобрататься в противуречии сознанном, должным образом оценив его практическое значение для режима: ведь и при обычных, нормальных условиях государственной жизни правительство редко бывает на столько прозорливым, чтобы безошибочно предвидеть все последствия своих мероприятий! Однако, из всех таких несогласованных с политическим режимом местных реформ никогда в конечном результате ничего не выходило; все такие реформы, которым не предшествовало соответствующее преобразование государственного строя, оказывались не жизнеспособными, построенными на песке: государственная власть, оправившись от испуга или временной слабости, спешила исправить беду надлежащей контр-реформой. Так было на Западе, так было и у нас дома. Если в Европе хотя бы Пруссия дает нам такой яркий пример не согласованной с государственным строем и потому оказавшейся мыльным пузырем местной реформы, как штейновская (19 ноября 1808 года), то наша отечественная история дает нам целый ряд еще более ярких и доказательных примеров в образе наших реформированных и контр-реформированных местных управлений: сельского, земского и городского»^{*)}.

* * *

Если мы от возможности политической обратимся к возможности материальной или хозяйственной, то образ деревни, которая не нуждается, будто бы, в государстве и способна добиться своего возрождения без его помощи и содействия, представится нам еще более фантастическим, чем образ кооператива, становящегося свободным и независимым вопреки воле и желанию государства. При некотором внимании не трудно заметить, что источником этой фантазии является тройное заблуждение: во 1. в отношении связи, существующей между государственным и местным хозяйством, во 2. в отношении содержания того и другого, т. е., существа тех задач, разрешением которых оба эти вида хозяйства заняты и 3. в отношении тех конкретных условий, которые для их разрешения необходимы. Не наша вина, если обращаясь к первому из этих заблуждений, мы вынуждены пользоваться совершенно элементарной аргументацией: тому виною элементарность самого заблуждения—будто бы возрождение деревни, хотя бы и кооперированной, может быть достигнуто одними ее силами и средствами, т. е., силами и средствами одного только местного хозяйства, разрешением одних только местных этому хозяйству присущих задач. Допустим, что силы деревни неограничены, что ресурсы, которыми располагает ее местное хозяйство огромны, — сумеет она возродиться, если государственное хозяйство будет обременено содержанием трехмиллионной армии, бешеными расходами на содержание центральных учреждений, заграничного представительства, на кормление рептильной печати и, если в то же время оно оставит в забросе пути сообщения государственного значения, предоставит рекам мелеть, каналам — высохнуть, портовым сооружениям — рзрушаться, отказавшись вместе с тем от забот о правильном функ-

*) Гр. Шрейдеръ: Пора-ли?, стр. 2.

ционировании почты и телеграфа и т. д.?... Не правильнее ли предположить, наприм., что одно только отсутствие нормально функционирующей почты, способно явиться такой препоной на пути возрождения даже кооперированной деревни, какую она едва ли окажется в состоянии устранить собственными силами.

Обращаясь затем ко второму заблуждению и дав себе труд припомнить процитированное выше перечисление местных нужд, которые деревня, будто бы способна удовлетворить «собственными силами... с меньшими затратами средств и сил, чем государство», мы невольно станем перед целым рядом недоуменных вопросов: почему во главе *местных* нужд поставлена *всеобщая* нужда в школьном и внешкольном образовании? А нужда в «постановке медицины и гигиены» разве не всеобща и разве государство в данном случае самым прямым, самым близким и непосредственным образом не заинтересовано? Разве не всеобща нужда в «дорогах, электрофикации, телефонной связи, агрикультуре, механизации сельского хозяйства и промыслов» и т. д. И разве все эти нужды безразличны для государства и оно может, не рискуя самыми жизненными своими интересами, оставаться равнодушным к степени их удовлетворения? Нужно ли доказывать, что во всех перечисленных нуждах нет ничего в собственном смысле, территориально, местного, — ничего, что вытекало бы из особых, специальных, частных условий каждой отдельной местности. Это все те же общие государственные нужды, которые в ходе экономического и социального развития могут в отношении *их удовлетворения* становиться местным постольку, по скольку развитие местности, рост ее культурного, общественного и экономического уровня делают целесообразным перенесение их удовлетворения на места, превращение его в задачу местного хозяйства. Тут все зависит от степени развития местности: от количества, качества и силы ее запросов, от наличности сил и средств, необходимых для их удовлетворения. И если мы вникнем в существо тех перечисленных выше «местных» нужд, которые деревня ныне, будто бы, способна удовлетворить собственными силами, то мы должны будем придти к совершенно парадоксальному, или вернее сказать, абсурдному заключению, что деревня не разорена, не истощена во всех смыслах, не доведена до последней степени развала, а — наоборот — необычайно окрепла и выросла, поднялась до небывало-высокого культурного, общественного и экономического уровня, получила такой новый огромный запас средств и сил, который делает для нея достижимым то, о достижении чего в прежние лучшие времена она не дерзала даже мечтать. Неизбежность такого абсурдного заключения делает особенно выпуклым третье заблуждение — относительно конкретных условий, которые необходимы для удовлетворения перечисленных выше нужд.

Предложим, что благодаря магической палочке или разрыв-траве, которыми, повидимому, обладают кооперативы, у деревни окажется достаточно средств, чтобы учредить все необходимое ей количество школ. Будут ли они функционировать, если государство не позаботится о подготовке достаточно контингента учащихся? Известен ли теоретикам единоспасующего кооперативного пути, напр., следующий факт из западноевропейского опыта? В Италии установлено законом всеобщее